

СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ ★ АРТЕМ ШУМИЛИН

РЕВИЗОР

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б50

Винтеркей, Серж.

Б50 Ревизор. Возвращение в СССР. Часть 1 / Серж Винтеркей, Артем Шумилин. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Попасть в СССР. Роман с продолжением о нашем прошлом).

ISBN 978-5-04-247283-1

Самый успешный роман с продолжением о путешествии в наше советское прошлое. Тысячи восторженных отзывов от читателей на Литрес. Безусловный хит электронных продаж, который ждут в бумаге поклонники романа. Приключения московского аудитора, который из 2023 года угодил в 1971 год. Помолодел на несколько десятков лет и как будто бы получил шанс начать новую жизнь в СССР. Масса реалистичных деталей из советского прошлого.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Серж Винтеркей, Артем Шумилин, текст, 2025
- © Артемис Т. Мантикор, иллюстрации, 2025
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247283-1

Глава 1

Москва, февраль, 2023 год.

Удалённая от центра города промзона.

За почти сорок лет работы мне довелось поработать и автомехаником, и экономистом, и бухгалтером. Пятнадцать лет назад, получив сертификат, начал работать аудитором.

От обязательного аудита я постепенно отказался. Сегодня поиск недочётов в первичке¹ — это не мой уровень.

Основная моя клиентура — это хозяева бизнеса. Они инициируют аудит для выявления в своих компаниях воровства и его масштабов. Моя работа — определение схем и поиск виновных лиц. Как дальше хозяева бизнеса используют полученную от меня информацию, меня не особо волнует.

Договоры бывают разные. Иногда уходят недели на работу с первичкой, на анализ сумм, списка контрагентов, объёмов приобретённых материалов и их соответствие объёму выпущенной продукции и т.п.

А иногда всё очень просто. Как в этом случае: одного взгляда на оборотку² хватило, чтобы понять, где «собака порылась».

Несмотря на то что этот договор оказался просто халевой, мне не нравилось здесь всё. И ехать на этот объект надо

¹ Первичная документация: накладные, акты, счета, банковские выписки, чеки и прочее.

² Оборотно-сальдовая ведомость, показывающая остатки и обороты по счетам бухгалтерского учёта.

было через всю Москву. Большая промзона со множеством корпусов, построенных полвека назад. Обстановка здесь не менялась с советских времён. Здесь можно экскурсии водить, как по чернобыльской Припяти. Стены, отделанные ракушечником. Подвесные потолки. Старые ртутные лампы, две трети из которых не горит. Рисованные вручную плакаты про соцсоревнование. Доска с передовиками производства. Этих передовиков и в живых, наверное, уже никого нет.

Компания, аудит которой сейчас провожу, снимает офис здесь уже очень много лет. Небольшое производство, два учредителя. Они с нуля, почти тридцать лет, создавали эту компанию, работали на имидж, заняли внушительную нишу в своей сфере. Нарботали клиентскую базу и со спокойной совестью ушли на пенсию, передав руководство наёмному директору. Какое-то время всё было нормально. Как вдруг стабильно доходный бизнес стал не очень рентабельным.

Вот поэтому я здесь.

Для работы мне расчистили стол в бухгалтерии, предоставили доступ к бухгалтерской базе. Главбухом здесь была молодая девушка лет 30–35.

Представилась она Светланой, я так к ней и обратился, не скрывая своего раздражения:

— Светлана! Как можно быть такой наивной? Перечислить четырнадцать с лишним миллионов наёмному руководителю под отчёт по его устному распоряжению. Какое аудиторское заключение я должен дать вашим учредителям? Что бухгалтер с генеральным прибыль вывели и поделили?

Бухгалтерша смотрела на меня огромными заплаканными глазами! Белокурая, сероглазая, как моя дочка.

Как она, кстати, там, во Франции, моя девочка? Больше трёх лет уже не видел её и внуков. Иногда сожалею, что

РЕВИЗОР. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

когда-то дал развод её матери, позволил увезти дочь за границу, не видел, как растёт моя девочка.

Я, конечно, не уверен, что мы с бывшей могли бы сохранить семью: уж больно разные у нас были цели и задачи в жизни.

Ну, уехала и уехала. Баба с возу — кобыле легче. Теперь эта женщина — проблема её нынешнего мужа.

А по дочке и внукам я скучаю. У Иришки моей долго не получалось родить. Зато через 11 лет брака она вдруг подарила мужу двойняшек: мальчика и девочку. Им уже по 6 лет. До пандемии регулярно летал к ним, раз в три-четыре месяца. Гостил в семье дочери недели по две-три. Помогал с малышами. Мне очень у них нравилось. Иришкин муж Джозеф вполне нормальный парень, хоть и художник.

Громкий всхлип бухгалтерши вернул меня в действительность.

— Светлана! Вот и что мне прикажете делать? — раздражённо спросил это беременное «чудо в перьях».

Всякое бывало в моей работе. И подкупить меня пытались, и угрожали. Даже покушались как-то: по башке настучать пытались. Но меня голыми руками не возьмёшь.

За что люблю свою работу, так это за то, что можно сразу получить и деньги, и удовольствие от решения задачи, и адреналин.

Кстати, с моей подачи было возбуждено немало уголовных дел. Никогда мне не было жаль всех этих хитроделанных махинаторов.

Но не сейчас. Так жалко стало эту дуреху. Сидит, сопли на кулак мотает...

Похоже, старею, в сентиментальность впадать начал.

— Ладно. Сделаем так...

Подсказал ей, как провести эти миллионы, чтобы самой не сильно подставиться: задолженность директора учесть как заём, начислить ему проценты по ставке рефинансирования и учесть эти проценты как прибыль компании. У налоговой вопросов при таком раскладе не будет.

И пусть учредители сами разбираются с этим долгом! Я на него в своём заключении укажу.

— И, если что, «Чик-чик. Ты в домике». Поняла? — учил я Светлану.

Она отчаянно кивала головой.

— На сегодня всё. Домой. К мужу. И не реветь!

Она послушно засобиралась домой. Сидя на своём рабочем кресле, Светлана с трудом натягивала и застегивала сапоги. Я, конечно, не акушер-гинеколог, но, судя по животику, она уже должна быть в декрете.

Посмотрел на часы: шёл десятый час. Мы засиделись сегодня допоздна. Ладно я — одинокий волк. Меня дома никто не ждёт. Но она! Глубоко беременная! Куда только смотрит муж? Что за молодёжь пошла бестолковая...

Посижу в этой конторе до конца недели, поищу ещё что-нибудь. Надо же гонорар отработать. Но и так ясно, как обворовывал учредителей местный генеральный. А бухгалтершу так поздно больше задерживать не буду.

Пока она одевалась, подошёл к окну и посмотрел на свою ласточку, припаркованную у входа в административный корпус, где мы располагались. «Мазда CX-5». Всего четыре месяца. Пробег 3 тысячи. Включил автозапуск, пусть пока прогревается. Раньше у меня и покруче машины были, но с возрастом понимаешь истинную цену вещей... Новенькая, удобная, ездит и не ломается? И слава богу! Прежнего желания форсить перед другими больше нет. Перерос.

РЕВИЗОР. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

Вышел в коридор и ждал, пока Светлана выйдет и закроет бухгалтерию.

— Вы на машине? — зачем-то спросил я её.

— На автобусе и на метро.

Только этого не хватало! Выбраться из этой промзоны вечером — тот ещё квест. Да и холодно сейчас на улице. Сказал ей, что подвезу её к метро.

Лифта в этом старом здании не было, мы спустились со второго этажа по тускло освещённой лестнице. Вышли на улицу, я вдохнул полной грудью холодный февральский воздух. Машина была уже прогрета, помог Светлане забраться на переднее пассажирское место. Ей далось это непросто: моя машина оказалась для неё слишком высокой.

Мы постояли немного перед шлагбаумом, пока нас заметил вахтер и поднял его. Мы выехали с территории когда-то крупного советского предприятия на вечернюю улицу, ярко освещённую современными светодиодными фонарями.

Ехали молча. Я что-то устал сегодня. И опять не заехал в клинику узнать результаты обследования. Иришка позвонит, опять будет ругаться: ещё на прошлой неделе надо было съездить. Не хочется мне туда ехать. Вроде полегчало, сердце уже так не тарыхтит.

Мне очень хочется скорее попасть домой. Стоя на светофоре, уже представляю себя в любимом кресле с рюмочкой коньяка...

Загорелся зелёный, я медленно двинул свою «Мазду» вперёд. До метро оставалось совсем ничего, всего один перекрёсток, но машин здесь было много, придётся немного потолкаться.

Светлана уже успокоилась, переложила сумку в левую руку, а правую положила на ручку двери, заранее приготовившись выходить.

— Спасибо вам, Павел Андреевич! — проговорила она.

— Кушай на здоровье, — рассеянно ответил я девушке, соображая, как бы остановиться поближе ко входу в метро и помочь ей выбраться из машины. А то ей прыгать придётся, родит ещё раньше времени.

Вся правая полоса у входа в метро была занята автобусами и маршрутками, протискивающимися к нескольким остановкам, расположенным одна за другой. Автобус передо мной ждал своей очереди высадить у метро пассажиров. Я пристроился за ним в правой полосе. Загорелся красный, а я так и не успел проехать перекрёсток. Слева пошёл поток машин с поперечного направления, ждавших левый поворот. Справа несколько машин перестроились в левый ряд, намереваясь объехать меня. И тут справа на крайнюю правую полосу откуда-то выскочило такси и понеслось прямо на нас, точнее, прямо на Светлану.

Мне некуда было деваться. Всё, что я смог, — это рвануть налево и подставить такси задницу.

— Держись! — только успел закричать я. В мою дверь тут же влетела «Газель», а в задницу такси. Раздалось несколько громких хлопков. Сработали подушки.

В глазах потемнело. Боли не было. Откуда-то издалека слышался женский истеричный визг. Прости меня, Светка! Я не хотел. Наступила тишина.

В полуобморочном состоянии я чувствовал, как кто-то бьёт меня по щекам. Отстаньте все. Я сплю.

Не знаю, сколько я был в отключке. Очнулся оттого, что руке стало больно: кололи вену.

Где-то рядом кто-то громко сказал:

— У нас остановка! Адреналин!

И я опять провалился в пустоту.

РЕВИЗОР. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

*Святославль, февраль,
1971 год. Река Славка.*

Пришёл в себя от обжигающего холода. Лёгкие раздирал жуткий кашель. Я просто захлёбывался им. Меня охватил животный страх. Неужели скорая, что меня эвакуировала с места ДТП, в реку сорвалась? Открыл в ужасе глаза.

Передо мной на коленях стоял мокрый молодой милиционер. Именно милиционер! Он был в шинели, с которой ручьём текла вода. Милиционер тяжело дыша сел, стянул с себя один сапог и вылил из него воду. Я лежал на боку, тоже мокрый насквозь, и никак не мог прокашляться. Было очень холодно. Сел и обхватил себя за плечи руками.

Милиционер вылил воду из другого сапога и, больно ударив меня в плечо, агрессивно спросил:

— Какого чёрта ты прыгнул?! Совсем свихнулся?! Идиот!

Он обулся и встал. Я, наконец прокашлявшись, тоже встал и молча разглядывал этот сюр.

Мы стояли на берегу не очень широкой, но полноводной реки, замёрзшей вдоль берегов. Чуть в стороне над нами высокий мост на бетонных опорах. На мосту с открытыми дверями стоял допотопный жёлто-синий милицейский уазик. К нам под мост бегом спускались с дороги люди. Первым бежал ещё один милиционер в допотопной шинели. Он был старше, выше и полнее того, что стоял рядом со мной.

— Живой! — констатировал он, подбегая к нам. Я разглядел у него погоны старшего сержанта. — Молодец, Николаев! Вытащил. Давайте бегом наверх в машину. Не май месяц.

Меня чуть не пинками погнали наверх из-под моста. Немолодой мужик в ватнике и ушанке, который спускался под мост вслед за милиционером, остановился на полпути и, когда мы поравнялись, воскликнул, глядя на меня:

— Ты что ж это удумал!? Паскудник!

— В тепле разбираться будем, — ответил за меня старший сержант.

Поднялись к машине.

— Давайте, на злодейские места оба. С вас течёт как из ведра, — распорядился старший сержант. Николаев бесцеремонно затолкнул меня в отсек для задержанных и сам уселся рядом. Завыла сирена, и мы помчались по ночному городу.

Я ни с кем не спорил и ни о чём не спрашивал. Попросту никак не мог придумать рационального объяснения происходящему. Помню аварию на перекрёстке, помню, что отключился. А что сейчас происходит, без понятия...

Может, это галлюцинации? Так бывает после наркоза. А что? Допустим, мне сделали какую-нибудь операцию, и сейчас я таким образом прихожу в себя. Может быть? Может.

А раз это галлюцинации, то пусть будут. Я посмотрю и повеселюсь. Хотя было так холодно, что совсем не весело...

Зубы у меня громко стучали, я весь трясся и, пытаюсь хоть немного согреться, стал тереть ладони друг о друга. Николаев выглядел не лучше. Причём его замёрзшие руки, похоже, были в крови. Побился обо что-то? Какие реалистичные галлюцинации, однако...

Наблюдаю сквозь решётку в дверях за проносющимися мимо одноэтажными домами частного сектора. Улицы освещались фонарями с тусклыми жёлтыми лампами накаливания. Света от них было не больше, чем от луны. После ярко освещённых московских улиц контраст был особенно заметен.

— Ты чей будешь-то? Как твоя фамилия? — спросил вдруг старший сержант через решётку между злодейским отсеком и остальным салоном уазика.

Я промолчал: мои галлюцинации? Мои! Хочу — отвечаю, хочу — молчу.

— Это Пашка Ивлев, — подсказал ему Николаев. — Я его знаю. Мы с одной улицы.

— Какой ещё Ивлев?! — не выдержав, спросил я каким-то чудным голосом. Поразился, как непривычно он звучит. Всё страннее и страннее...

Узик резко затормозил, и мой вопрос остался без ответа. В свете фар я разглядел крыльцо с колоннами и вывеску «Святославская городская больница».

Старший сержант быстро вышел из машины и, избежав по ступенькам, начал молотить кулаком в высокую двустворчатую дверь. Николаев выволок меня из машины и подтолкнул к крыльцу. В темноте я успел разглядеть двухэтажное здание, похожее на помещичью усадьбу.

В ближайших окнах загорелся свет.

Из-за двери послышался женский голос:

— Кто там?

— Это Ефремов. Открывай, Марин! Ихтиандра недоделанного привезли.

Двери больницы открылись. В полосе света в дверном проёме появился чёткий силуэт женщины-медика в медицинском халате и колпаке.

— Почему недоделанного? — спросила она, выходя на крыльцо.

— Потому что живой, — ответил старший сержант. — Хотя крыша у него протекла: фамилию свою не помнит.

Я всё ещё не мог ничего понять. Для галлюцинации ощущения были слишком реалистичны. Хотя мне трудно было судить, раньше галлюцинаций у меня не было. Может, так и должно быть?..

Мы всей толпой вошли в больницу. В просторном холле под высоким потолком ярко светила большая люстра с окрашенными белой краской плафонами. Пахло хлоркой и мочой.

Как говорится, бедненько, но чистенько. Каменные мозаичные полы местами заметно вытоптаны. Стены до половины выкрашены в грязно-жёлтый цвет, а выше — побелены.

Очень меня впечатлили старые, тысячу раз покрашенные, застеклённые деревянные межкомнатные двери и оконные рамы. Окна даже были заклеены от сквозняков полосами белой ткани. Потрясающие декорации!

Хотя я снова поймал себя на мысли, что для галлюцинаций это всё как-то слишком натурально. И почему Советский Союз? Мое подсознание зачем-то от стресса меня решило в детство закинуть?

— Стойте у входа! — приказала врач нам с Николаевым. — Засрётё сейчас здесь всё.

Наконец я обратил внимание на эту женщину: она была молода, с красивыми чертами лица, очень строгая и уставшая. Русые волосы сзади выбивались из-под белого колпака. Очень стройная, кстати. Даже белый халат унисекс не мог скрыть её красивую фигуру. Какая свежая, естественная красота! Давно такой не видел. Я с удивлением и восхищением смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверями с надписью «Приём неотложных пациентов».

Николаев стянул с себя сапоги и начал стаскивать с себя мокрую шинель.

— Раздевайся! Что стоишь? — рявкнул он на меня.

Я на всякий случай начал расшнуровывать свои потрёпанные ботинки.

— Алексей Вениаминович! — обратился Николаев к старшему сержанту. — Я шапку форменную из-за него в реке утопил. Что мне теперь будет?

— Расстрел, Николаев! Расстрел, — ответил Ефремов.

Николаев из кармана форменной рубахи достал удостоверение. По его растерянному виду я понял, что оно потекло.

Младший милиционер молча протянул своё удостоверение старшему.

— О! Тут расстрелом не отделаешься! — обрадованно заявил Ефремов. — Тут поляна! Не меньше.

Вернулась Марина с пожилой полной санитаркой в белом халате и с белой косынкой на голове. Они принесли две заношенные полосатые пижамы и безразмерные кожаные тапки без задников.

— Переодевайтесь, — распорядилась врач.

Было не очень комфортно раздеваться перед всеми догола, но я смотрел, как и что делает Николаев, и повторял за ним. Мы переоделись, и сразу стало тепло. Мокрую одежду и обувь мы побросали тут же на полу.

Санитарка притащила покоцанный эмалированный таз, покидала туда наше мокрое барахло и утащила куда-то. Вернулась со шваброй, с ведром и принялась старой мешковиной подтирать за нами. Полоскала и отжимала тряпку она голыми руками! Я немного зазевался и больно получил деревянной шваброй по косточке голеностопа. У меня слёзы брызнули из глаз! А санитарка даже не ойкнула. Только глянула на меня сердито.

У согревшегося Николаева стали сильно кровоточить руки, и кровь с ладоней обильно стала капать на пол.

— Что с руками? — устало спросила Марина.

— О лёд порезался. Боялся, что нас под лёд утянет, когда этого шкета доставал, — оправдывался Николаев, показывая врачу ладони. — Река только с краёв замёрзла, а посередине такое сильное течение! Я шапку из-за него форменную потерял в реке. И ксиву испортил.

Произнеся это, Николаев вдруг покачнулся и начал заваливаться на сторону. Ефремов живенько подскочил к нему и подхватил под руки. Врач помогла усадить Николаева на

СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ, АРТЁМ ШУМИЛИН

стул, осмотрела его глаза, поинтересовалась, не болит ли голова и не двоится ли в глазах.

Получив отрицательный ответ, чему-то кивнула мысленно и сказала, показав на руки:

— Тут шить надо. Сестру позову.

А потом добавила:

— В больнице вас пока оставляю. Понаблюдаем. Похоже, что, помимо порезов на руках, у вас ещё небольшое сотрясение мозга. Завтра на обходе главврач посмотрит и всё решит.

— Держи руки над тряпкой! — рявкнула недовольная санитарка и бросила мокрую мешковину под ноги Николаеву. Он как ни в чём не бывало послушался.

— Ты и меня не помнишь? — между тем спросил меня Николаев. — Я с твоей сестрой в одном классе учился.

Я пожал плечами и отвернулся к окну. В отражении я увидел юного парнишку среднего роста, субтильного, большие глаза, нос с горбинкой. И лопухий ещё к тому же... В огромной пижаме не по размеру он похож был на Пьеро. Только колпака не хватало.

Усмехнулся про себя: непросто будет ему с такой внешностью девчонок кадрить.

А кто это, собственно? Хороший вопрос... Я почувствовал, как у меня на голове зашевелились волосы.

Где-то на лбу неприятно саднило, я машинально дотронулся до головы.

Паренёк в отражении сделал то же самое.

Глаза у него начали ещё больше округляться. Подошёл ближе к окну. И отражение приблизилось ко мне. Помахал рукой отражению, и оно помахало мне в ответ... Сомнений нет: там, в окне — я.

Глава 2

Среда, 10.02.1971 г.

Святославская городская больница.

Я стоял в полной прострации перед окном, глядя на своё отражение. Ещё полчаса назад я был почти что уже шестидесятилетним дядькой. Как я мог оказаться этим прыщавым юнцом? Может, всё-таки это галлюцинация?

Но все ощущения просто вопили о том, что это реально. Хотя этого просто не может быть! Убеждённый рационалист и прагматик внутри меня упорно твердил, что всему происходящему есть разумное объяснение и вот-вот ситуация прояснится, надо просто ещё немного подождать. Однако минуты текли, а ничего не прояснялось, ситуация не менялась. Я всё более отчётливо понимал, что произошло нечто необъяснимое и я действительно нахожусь в теле этого молодого паренька, а время откатилось на несколько десятилетий назад.

Вернулась Марина и привела с собой медсестру средних лет и возрастного доктора — высокого, крупного, седого мужчину в роговых очках и с лысиной на макушке.

Марина с медсестрой увели Николаева в процедурную. Санитарка, ворча, подтёрла за ним капли крови на полу и ушла. Старший сержант беседовал с пришедшим доктором. Они долго шептались у меня за спиной.

Краем уха я разобрал слова милиционера:

— Да точно вам говорю! Он сам прыгнул.

Они ещё какое-то время постояли, обсуждая мою персону, а потом вдвоём подошли ко мне и встали на небольшом расстоянии сзади. Уже подумал, что они сейчас набросятся на меня и свяжут, как буйного психа.

Я всё ещё находился в полнейшем ступоре от происходящего, не успел выработать стратегию своего дальнейшего поведения и продолжал стоять лицом к окну, наблюдая за ними в отражении.

— Ивлев! — обратился ко мне старший сержант. — Объясни нам с доктором, с какого перепугу ты сиганул с моста.

Повернулся к ним, решив идти в несознанку:

— Не помню.

— Вот. Он даже фамилию свою не помнит, — сказал Ефремов.

— Он в воду упал? Не мог он там обо что-нибудь головой удариться? — уточнил доктор и подошёл вплотную ко мне. Он уверенно убрал мою руку от моего же лба.

— Это что за шишак? Синяка ещё нет, только ссадины. Травма свежая, — констатировал он.

— Юрий Васильевич, честно сказать, я не видел, как он упал, — оправдывался старший сержант. — Там, куда он сиганул с моста, река не замёрзла, это точно. О лёд он удариться не мог. Если только под водой что-то было. Или там опоры бетонные у моста, его течением как раз на них потащило. Может, и врезался. У него что, эта? Как её? Амнезия?

Амнезия! Цирк! Но легенда для меня сейчас оптимальная. Пока не пойму, что здесь происходит, будет очень удобно все казусы объяснить потерей памяти.

— Не знаю. Будем наблюдать, — ответил доктор. — Полежит у нас недельку. Может, вспомнит, что его на этот «подвиг» толкнуло. Да? Ивлев!

Я молча кивнул. Мне сейчас передышка ой как нужна.

РЕВИЗОР. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

— Ещё пригласите мне его родителей, — попросил доктор старшего сержанта. — Как, значит, его зовут?

— Вроде Пашка. Николаев мой точно скажет. Он его знает, на одной улице живут.

— Хорошо. Пойдём, Ивлев, — сказал доктор, бесцеремонно развернул меня за локоть и, пихнув ощутимо в спину, подтолкнул в сумрачный коридор, в который Марина увела Николаева.

Мы прошли мимо нескольких закрытых дверей и подошли к открытой двери с надписью «Процедурная». Доктор уверенно зашёл туда. Я вошёл за ним и скромно встал у входа.

Николаеву, по-видимому, уже зашили порезы на ладонях. Лицо его было очень бледным. Сестра бинтовала ему правую руку, левая была уже забинтована.

— Противостолбнячную сразу поставь ему, — сказал доктор Марине.

— Хорошо.

— Что тут?

— Переохлаждение. Шесть швов на правой руке, четыре на левой. Первое время даже ложку держать не сможет ни той, ни другой рукой. И ещё у него головокружение довольно сильное. Возможно, ударился головой.

— Так, и этот тоже с ушибом головы! Возможно, и правда в реке там что-то есть. Ну ничего! До свадьбы заживёт! Но недельку пусть полежит, понаблюдаем.

Сестра задрала Николаеву пижаму, и Марина уколола его простым многоцветным стеклянным шприцем под лопатку. Лицо милиционера сморщилось, как будто он раскусил лимон.

Мне стало жаль его. Как я понял, он спас меня, вытаскивал тонущего из реки. Рисковал, можно сказать, собой! И пострадал в итоге.

— Марина, положи их, — распорядился Юрий Васильевич. — Ихтиандр не помнит, как его фамилия, но твой больной его знает, уточнишь у него, когда карту заполнять будешь. Я пошёл к Ефремову.

— Хорошо, — ответила Марина. — А куда их? В терапию?

— В хирургию.

— Хорошо.

Медсестра прибиралась на процедурном столике. Марина что-то записывала в толстом журнале.

Николаев встал с табурета, на котором сидел, и остался стоять, пошатываясь. Лицо его ещё больше побледнело, его резко повело в сторону. Я бросился к нему и подставил ему плечо, чтобы он опёрся на меня как на костыль.

Женщины всполошились, усадили его обратно на табурет, сунули под нос ватку с нашатырём. Я встал сзади и поддерживал его.

Через некоторое время Марина спросила Николаева, как он себя чувствует, и предложила ему перейти в палату и лечь. Вместо ответа он кивнул головой и сделал вторую попытку встать. Я сразу подставил ему плечо и попросил врача дать мне с собой ватку с нашатырём на всякий случай.

Так мы и побрели за Мариной по сумрачному коридору.

Если это галлюцинация, то уж очень реалистичная и детализированная. До мелочей, до запахов, до болевых ощущений. Что-то тут не так.

Мы прошли через холл в противоположный коридор. Хирургия располагалась на первом этаже. Было поздно, больница спала. Только из приоткрытых дверей единственной палаты падал в коридор свет. Я догадался: нам туда. Там нас ждала уже знакомая санитарка.

— Тётя Вера, положи их. Я за картами, — сказала Марина и вышла.